

Книжное обозрение

1. Д. ФИБИХ „Дикое мясо“. Дм. Гельмана. — 2. В. АРДОВ „Туземцы“. Н. Прянишников. — 3. А. ГУМИЛЕВСКИЙ „Головорезы“. Арк. Глаголева. — 4. О'ФОЛАЭРТИ „Горная таверна“. К. Локса. — 5. Ф. ФРЕЙЛИГРАТ „Мертвые живым“. И. Поступальского. — 6. ВИСС. САЯНОВ „Начала стиха“. Инн. Оксенова.

Даниил Фибих. — «Дикое мясо». Рассказы. Изд. «Московское товарищество писателей» Стр 208. Ц. 1 р 80 к., пер. 20 к.

На обложке отсутствует дата выхода книги в свет. Из 12 рассказов книги лишь один помечен 1929 годом, остальные либо вообще не датированы, либо по времени их написания имеют солидную давность, и помещение их в книге, появившейся на книжном рынке в конце 1931 года, порождает законное недоумение. Издание книги, построенной на материале вчерашнего дня, на фиксации отдельных эпизодов гражданской войны и первых годов нэпа, может быть оправдано лишь в том случае, если автор сумеет по-новому и с новыми изобразительными средствами подойти к разрабатываемым темам. К сожалению Дан. Фибих этих условий не выполнил. Большинство рассказов представляют собой серию зарисовок, лишенных свежести и являющихся интерпретацией мотивов и образов, хорошо знакомых читателю по произведениям восстановительного периода.

Чтение рассказа «Теплушка» вызывает неотвязные ассоциации с «Голым годом» Пильняка и с бабелевской «Солью»; герои «Апельсиновых ветр» как будто взяты напрокат из книг Эренбурга, показавшего в кривом зеркале советскую действительность начального периода нэпа. Вот характеристика одного из руководителей «Трансклады». «В хмельной восемнадцатый год — комиссар, затем удачливый завхоз, обретенный мешечник, пройдох, авантюрист, выброшенный из партии и расцветший на жирном перегоне нэпа». Такое же впечатление материала, где то и когда то уже встречавшегося, оставляют рассказы «О яблочке», «Какой-то дом», «Лик мадонны»: те же геометрически прямолинейные коммунисты типа пильняковских «кожаных курток», шеголяющие в учелевских со времен Перекопа гимнастерках (?), те же мелкобуржуазные девицы, подрывающие идеологическую устойчивость вышеуказанных партийцев одним словом тот же ас:

сортимент образов только в разных пропорциях и масштабах.

Особую группу представляют рассказы «Камни», «Адат», «Светильник звезды» на тему о советизации Кавказа. Поданные в традиционном «ориентальном» стиле, декоративно-цветистые, они дают только приблизительное представление о людях, с которыми связаны эпизоды, изображаемые автором.

Единственным рассказом, перекликающимся с современностью и потому выпадающим из общего плана книги, является «Дикое мясо». Написанный в 1929 году, он не теряет своей остроты и злободневности. Автор, взявший отдельный случай разоблачения шкурника и рвача, сумел довольно живо показать участников производства на фоне борьбы за выполнение промфинплана. Не лишенный некоторой схематичности рассказ «Дикое мясо» тем не менее выгодно отличается от остальных рассказов, помещенных в книге. И вместе с тем он несомненно свидетельствует о неисчерпанных ресурсах молодого писателя, для которого пережившая себя тематика вчерашнего дня является лишь трамплином на пути дальнейшей творческой работы.

Дм. Гельман.

В. Ардов. — «Туземцы». Юмористические рассказы. Издание «Никитинские субботники». М. 1931 г. Стр. 206. Цена 1 руб. 60 коп.

Иронизируя над «плохими романами», где про героиню принято выражаться, что в ней «просыпается женщина» (76 стр.), а также над комическими фильмами, где полисмена ударяют «столом по голове» (69), автор рецензируемого сборника очевидно считает самого себя тонким мастером своего жанра, а между тем юмор его недалеко ушел от того, который действительно культивируется в иных комических фильмах заграничного производства.

В самом деле некто Продрыгин явился на бал-маскарад в одних трусах и «с тремя связанными между собой многопудовыми

гирами» на согнутой спине, символизируя своей фигурой «угнетенный пролетариат Запада». За свой оригинальный костюм он претендует на получение первого приза — будильника, но будильник достается не ему, а жене начальника уездной милиции Таисии Ивановне, и тогда происходит скандал: «Мадам Продрыгина подошла к Таисии Ивановне и два раза смачно плюнула ей в лицо... а сам Продрыгин, сокрушив три кулисы, расголков и изувечив человека пятнадцать приватной публики, ударами гирь выламывал дверь женской уборной, в которой спряталось жюри» («Первый приз»).

Или один грубый гражданин попробовал однажды в вагоне разыграть роль джентльмена, но так как она у него не вышла, то он, рассердившись, вернулся к обычной своей невежливости: «На утро, покидая вагон, он хладнокровно забодал своей корзиной девушку с клетчатым саквояжем. Девушку пришлось отгнать в приемный покой» («Припадок вежливости»).

Мы даже склонны думать, что на обложке сборника, где на архитектурном фоне Москвы зарисована обывательская семейка, окруженная всевозможными атрибутами бытового мешанства и стилизованная под дикарей (это и есть «туземцы»: у супруги в носу продето кольцо, а у супруга — какая то канцелярская принадлежность), изображены не только объекты сатиры В. Ардова, но вместе с тем и его читатели, ибо подобного рода лошадиная юмористика может найти своих потребителей только в подобной среде, которую таким образом наш автор не столько изобличает, сколько, пожалуй, просто обслуживает.

И напрасно автор заверяет в предисловии, что в его книге, посвященной «описанию людей, интересов и событий, существующих вопреки строительству», все же имеется налицо «мощный фон» этого строительства, якобы «усиливающий несурьезность» его персонажей. Никакого такого фона в книге нет, и если в ней произведены некоторые замены в названиях учреждений (например вместо нарсуда — мировой суд) да проставить везде господ вместо граждан или товарищи, то добрая половина помещенных в сборнике рассказов могла бы появиться и до революции, до такой степени дореволюционна или точнее вневременна их сугубо мешанская сюжета. Ссоры хозяек у плиты, культ комнатных собачек, несудача «Факира», не сумевшего разгипнотизировать загипнотизированного им субъекта из публики, потому что сей последний оказался мертвецки пьяным, и т. п. не хватает почему-то только «дачного мужа» и сварливой тещи — этих классических тем старой ремесленной юмористики.

Некоторые сюжеты вызывают в памяти юморески раннего Чехова, но какая разница в обработке, какой упадок культуры смеха, какой регресс!

Прием, с помощью которого В. Ардов старается смешить читателя, это обезобра-

живание речи своих персонажей, — любимый прием юмористов-халтурщиков, анахронистически переносящих в советскую Москву диалект Ивана Горбунова. На страницах сборника то и дело мелькают издеватель, тикет, евовный и т. п., а одив деревенский парень молсч'ик из-под Москвы, вынужденный по ходу рассказа многократно рассказывать о случившемся на его глазах столкновении помохозяек, с чисто лингвистической изощренностью вытирает всякий раз новый глагол: шмякнула, хлобыстнула, дербалызнала, двинула, тюкнула, дербанула, чокнула, вжикнула. Исчерпав весь этот живописный запас и не желая все же повторяться, он сочиняет новые: жахнула, дюзнала и др... («Свидетель»).

Если все это и смешно, то разве для тех, кому из всех междометий смеха привычнее всего утробное и полуидиотское гы-гы. Во вкусе именно такого смеха сделана вся книжка. Впрочем иногда в нее влетает и ехидно-обывательское хя-хя. Мы разумеем здесь такие эскизы по адресу современности, как упомянутый выше непристойный эпизод с «угнетенным пролетариатом Запада». Сюда же относится дешевая пародия на стенгазету «Семейная стенгазета».

Книга написана не о мешанах, как уверяет в этом автор, а для мешан, и нет ничего возмутительнее, как трата драгоценной бумаги на такую, с позволения сказать, литературу.

Н. Прянишников

Лев Гумилевский. — «Головорезы». Роман. Изд. «Федерация» М. 1931 г. Стр. 310. Ц. 2 р. 40 к., перепл. 35 к.

Книжка посвящена школьникам-пионерам. Л. Гумилевский пытается жизнь последних осветить как будто бы во всей ее широте. Дается жизнь пионеров как в городе, так и в деревне (в летних лагерях). Автор касается взаимоотношений отцов и детей, пионеров и учащихся, внутренних взаимоотношений пионеров (в частности слегка затрагивается пресловутая «проблема полов»), касается ряда специальных молодежных, детско-юношеских проблем — тяга к приключенчеству, бузотерство и т. п. Говорится об интересе ребят к техническому изобретательству, об их раздумьях о своем будущем и т. д.

Однако благодаря стремления Л. Гумилевского дать наиболее полный охват реальной действительности не получают в романе своего художественного осуществления. Показ реальной действительности у Гумилевского крайне поверхностен и неудовлетворителен. Причиной этого является авантюрно-приключенческий метод автора «Головорезов».

Как например Гумилевский строит свою вещь сюжетно, на чем? На самых «заезженных» шаблонах — на «тайнственных письмах», «неожиданных открытиях» и т. п. Автор стремится всячески заинтересовать читателя. Страсть к приключенче-